

Исторический вестник. 2022. Т. XLI
DOI: 10.35549/HR.2022.2022.41.010

М.С. Мейер

РОЛЬ ВАКФОВ В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В XV–XVI вв.¹

В исследованиях по истории Востока тема феодального (в том числе средневекового) города обычно занимала незначительное место. Равным образом и специалисты по Ближнему Востоку довольно редко обращались к историческому прошлому городов региона. Лишь в последние десятилетия феномен быстрой урбанизации в современном афро-азиатском мире пробудил интерес к особенностям городской жизни в традиционном обществе. Появились фундаментальные труды по мусульманскому средневековому городу², усилился интерес к этой

¹ Мейер М.С. Роль вакфов в развитии городов Османской империи в XV–XVI вв. // Общество и государство на Балканах в Средние века. Калинин, 1980. С. 4–21.

² Middle Eastern Cities: A Symposium on Ancient, Islamic, and Contemporary Middle Eastern Urbanism. Edited by I.M. Lapidus. Berkeley – Los Angeles, 1969; The Islamic city: a colloquium [held at All Souls College, June 28 – July 2, 1965] published under the auspices of the Near Eastern History Group, Oxford, and the Near East Centre, University of Pennsylvania. Edited by A.H. Hourani and S.M. Stern. Oxford, 1970; *Abu-Lughod J.L.* Cairo: 1001 Years of the City Victorious. Princeton, 1971; *Ayalon D.* The Muslim City and the Mamluk Aristocracy. Jerusalem, 1967; *Hoffmann G.* Kommune oder Staatsbürokratie. Zur politischen Rolle der Bevölkerung syrischer Städte vom 10. Bis 12. Berlin, 1975.

тематике и среди османистов³. Вместе с тем многие проблемы, связанные с определением особенностей существования городов в системе средневековых ближневосточных империй и факторов их развития, еще нуждаются в дальнейшей разработке.

Цель данной статьи — выявление специфики положения городов в эпоху складывания и развития Османской империи (XV–XVI вв.). Имеющиеся в распоряжении исследователей материалы позволяют получить некоторое представление о ситуации в малоазиатских (анатолийских) и балканских (румелийских) провинциях этого государства. При несомненных различиях исторических судеб, экономических и социальных структур анатолийских и балканских агломераций они имели все же и некоторые общие черты⁴. И в Малой Азии, и на Балканах важной особенностью развития городских поселений явилось активное вмешательство государства в их социально-экономическую жизнь путем законодательства и контроля. Турецкое завоевание стран Юго-Восточной Европы имело еще и то последствие, что султанские власти посредством распространения определенных правовых норм, активной переселенческой политики, насаждения единообразных форм организации хозяйственной и общественно-политической жизни постарались придать балканским городам черты, которые бы как-то сближали их с малоазиатскими и иными мусульманскими городскими центрами.

Место города в структуре Османского государства определялось прежде всего общими закономерностями развития стран Ближнего Востока в Средневековье. В условиях постоянного сосуществования и противоборства кочевников и оседлых народов в рамках одной территории город представлял собой не только оплот центральной власти и место реализации прибавочного продукта, но и необходимую предпосылку общественного производства. Наличие постоянно действующего «треугольника сил» (деревня — город — кочевники) обеспечивало относительную политическую стабильность в регионе и давало некоторые гарантии для развития земледельческого производства и торговых связей. Выступая как особый социально-экономический и политический организм в системе ближневосточных средневековых империй, му-

³ *Mantran R.* Istanbul dans la seconde moitié du XVIIe siècle. Essai d'histoire institutionnelle, économique et sociale. Paris, 1962; *Beldiceanu N.* Recherche sur la ville ottomane au XV siècle, Etudes et actes. Paris, 1973; *Тодоров Н.* Балканский город XV–XIX вв. Социально-экономическое и демографическое развитие. М., 1976.

⁴ *Vesela-Prenosilova Z.* Quelques remarques sur l'évolution de l'organisation urbaine en Empire Ottoman // Archiv Orienteini. Vol. 42. No. 3 (1974). P. 200–224.

сульманский город отражал и важнейшую их особенность — внутреннюю разобщенность и отсутствие органического единства. Он состоял из ряда самостоятельных единиц — кварталов (махалле), живших обособленной жизнью и отличавшихся друг от друга по профессиональным, а зачастую и по этноконфессиональным признакам. В подобных условиях именно государство, взяв на себя определенные экономические, социальные и политические функции, осуществляло взаимосвязь различных групп городского населения и тем самым делало излишним возникновение единых муниципальных организаций.

Турецкие султаны, как и их предшественники — арабские, сельджукские, монгольские правители ближневосточных империй, уделяли много внимания городам. Существование большого числа населенных пунктов с числом жителей от 2 до 10 тыс. составляет особенность Османского государства даже на раннем этапе его истории⁵. Специалисты по истории Балканских стран отмечают, что через два-три десятилетия после установления турецкого господства, сопровождавшегося огромными разрушениями и опустошением многих городов, началась заметная активизация городской жизни в Румелии: увеличились размеры уже сложившихся населенных пунктов, появились новые города с преобладающим мусульманским населением, такие как Сараево⁶.

Среди мер, способствовавших росту городов, немалое значение имело установление государственного контроля за поставками продовольствия и сырья, необходимого для ремесленного производства⁷. Узость внутреннего рынка, обусловленная натуральным характером сельского хозяйства, слабым развитием транспортных средств и отсутствием безопасности на дорогах, создавала большие трудности в снабжении городов земледельческой продукцией. В этой ситуации османские правители практиковали жесткую регламентацию внутренней торговли зерном, мясом и прочим продовольствием, а также распределение сырья между соответствующими цехами⁸. Во второй половине XIV в., когда под влия-

⁵ Barkan Ö.L. Quelques observations sur l'organisation économique et sociale des villes ottomanes des XVI et XVII siècles // Recueils de la société Jean Bodin. Bruxelles, 1955.

⁶ Kreševljaković H. Gradska privreda: esnafi u Bosni i Hercegovini (od 1463 do 1851) // Godišnjak Istoriskog Društva Bosne i Hercegovine. T. I (1949). P. 168–209.

⁷ Beldiceanu N. Recherche sur la ville ottomane au XV siècle, Etudes et actes. Paris, 1973; Barkan Ö.L. XV. Asrın Sonunda Bazı Büyük Şehirlerde Eşya ve Yiyecek Fiyatlarının Tesbit ve Teftişi Hususlarını Tazim Eden Kanunlar // Türk Tarih Vesikaları. Cilt 1. No. 5 (1942). S. 326–340.

⁸ Güçer L. XVI–XVII. asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda hububat meselesi ve hububattan alınan vergiler. İstanbul, 1964.

нием быстрого увеличения городского населения положение особенно осложнилось, Порта стала все чаще запрещать вывоз зерна в Европу.

Османское правительство предоставляло городам налоговые и иные льготы. К сожалению, их полный объем еще неизвестен⁹. По-видимому, «норма эксплуатации» городского населения была несколько ниже, а уровень жизни горожан — несколько выше, чем крестьян¹⁰. Это обстоятельство и предопределило постоянный приток сельских жителей в крупные центры, не встречавший серьезных преград (в виде законодательных ограждений для подобного передвижения). Наличие значительной миграции населения из деревень в города показывают подсчеты турецкого историка О.А. Баркана, изучавшего нюфус дефтерлери — списки налогоплательщиков, составлявшиеся в Османской империи в XVI в. Согласно данным дефтеров, численность населения основных районов Анатолии с 1520 по 1580 г. поднялась на 55,9%, Румелии — на 71%. За то же время население 12 крупнейших городов империи (без учета Стамбула, Халеба и Дамаска)¹¹ увеличилось на 90%¹². Иными словами, темпы увеличения численности горожан оказались выше темпов естественного прироста всего населения Малой Азии и Балкан.

Характерным примером энергичных мер центральной власти, направленных на развитие городов, можно считать деятельность султана Мехмеда II Фатиха (1451–1481) по возрождению экономической активности Стамбула. Посылая войска на решающий штурм Константинополя 27 мая 1453 г., он разрешил грабить город в течение трех дней с тем условием, что земля и постройки в городе должны принадлежать султану, а все остальное имущество, пленные и продукты питания могут стать добычей солдат. По свидетельствам турецких источников, грабеж принял такие размеры, что Мехмед II вынужден был остановить его в конце первого дня, объявив захваченный город своей столицей¹³. Тогда же им

⁹ *Hadžijabić M.* Neki tipovi povlaštenih gradova u turskom feudalizmu. Beograd, 1974.

¹⁰ *Inalcik H.* Impact of the Annales School on Ottoman Studies and New Findings [with Discussion] // Review (Fernand Braudel Center). Vol. 1. No. 3/4. The Impact of the «Annales» School on the Social Sciences (Winter-Spring, 1978). P. 69–99.

¹¹ Учитывались данные по Бурсе, Анкаре, Диярбекиру, Токату, Конье, Сивасу, Эдирне, Афинам, Сараево, Монастыру, Скополе, Софии.

¹² *Barkan Ö.L.* Osmanlı İmparatorluğu'nda İmarat Sitelerinin Kuruluş ve İşleyiş Tarzına Ait Araştırmalar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XXIII. Sayı 1–2 (1963). S. 293.

¹³ *Inalcik H.* The Policy of Mehmed II toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 23/24 (1969/1970). P. 233.

были намечены первые шаги по восстановлению города. Они касались прежде всего обеспечения обороны столицы (ремонт городских стен, строительство цитадели — Едикуле и султанского дворца) и ее заселения.

Одновременно с осуществлением депортации в Стамбул мусульман и немусульман из разных районов государства, преимущественно богатых купцов и опытных ремесленников, были приняты меры для восстановления хозяйственной и общественной жизни в городе. В 1456–1457 гг. многие постройки византийского времени были обращены султаном в вакф¹⁴, созданный для строительства и содержания обширного религиозно-культурного центра — так называемого имарета Ая Софии. В его состав, помимо храма Святой Софии, обращенного в мечеть, вошли еще ряд мечетей и месджидов¹⁵ в разных районах столицы, духовное училище (медресе Календерхане), школа (муаллимхане), странноприимный дом (мисафирхане), дервишские обители (завийе), кухня и жилища для служителей культа и обслуживающего персонала. В этот комплекс были включены также различные постройки хозяйственного назначения, сдававшиеся внаем и обеспечивавшие вакфу значительные доходы. Так, к 1490 г. он уже располагал 2360 лавками, 4 караван-сараями, 2 банями, 30 помещениями, где изготовлялась буза (бозахане), 23 лавками по продаже овечьих голов и внутренностей (башхане) и 1300 домами и жилыми помещениями, что приносило ежегодно до 790 тыс. акче арендной платы¹⁶. Мехмед Фатих не ограничился созданием одного вакфа и в 1459 г. приказал всем лицам из своего окружения основать в городе собственные вакфы. В конечном итоге имареты, созданные самим султаном, его великим везиром Махмуд-пашой и другими сановными лицами, стали центрами целого ряда новых кварталов в столице. Из махалле, существовавших внутри городских стен Стамбула в XVI в., около 30% появились в годы правления Мехмеда Фатиха, около 50% — при его сыне Баязиде II (1481–1512). О темпах строительства можно судить и по увеличению числа вакфов: за 1453–1521 гг. было создано 1163 вакфа, в 1521–1546/47 гг. — 1268, в 1546/47–1578/79 гг. — 1193, в 1578/79–1596/97 гг. — 407¹⁷.

¹⁴ Вакф (мн. ч. — вакуф) — недвижимое или движимое имущество, доходы с которого предназначались на религиозные и благотворительные цели.

¹⁵ Месджид — малые, квартальные мечети.

¹⁶ *Barkan Ö.L. Osmanlı İmparatorluğu'nda İmaret Sitelerinin Kuruluş ve İşleyiş Tarzına Ait Araştırmalar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XXIII. Sayı 1–2 (1963). S. 253.*

¹⁷ *Barkan Ö.L., Ayverdi E.H. İstanbul Vakıfları Tahrîr Defteri, 953 (1546) Târihli. İstanbul, 1970, tablo 1.*

Практика создания многочисленных культурно-религиозных центров на базе вакуфной собственности, являясь общей чертой мусульманской городской традиции, возникла задолго до появления Османского государства. Уже первые османские правители стремились следовать этой традиции¹⁸, но особое значение она приобрела с началом завоеваний на Балканском полуострове. Обращая в вакф многие завоеванные земли, доходы с деревень, сборы с горожан и различных городских построек, центральные власти рассчитывали посредством вновь создаваемых имаретов добиться быстрого восстановления опустошенных городов, возрождения ремесла и торговли. Другой, не менее важной целью подобной политики являлось распространение влияния ислама и создание благоприятных условий для турецкой колонизации вновь завоеванных земель, а следовательно, и для укрепления османского господства на этих территориях. О размахе подобной политики свидетельствуют также цифры: на территории современной Югославии в период турецкого господства были построены 3500 больших и малых мечетей, 1500 мусульманских школ и 400 медресе, 400 дервишских обителей (текке), 1000 фонтанов и других источников, 500 ханов, 200 бань, 60 караван-сараев и большое число других учреждений религиозного и хозяйственного назначения, сохранившихся за счет вакуфных владений¹⁹.

О значении вакфов в рассматриваемый период жизни османского общества некоторое представление дают подсчеты О.Л. Баркана, сделанные на основе анализа сведений о доходах империи в первой половине XVI в. Правда, использованный турецким ученым источник неполон и содержит суммарные данные о поступлениях от вакуфного имущества и частных владений. Вопрос о близости вакуфной и частной собственности (мулька) будет рассмотрен несколько позже, здесь же отметим ясно выраженную в экономической жизни Османского государства тенденцию к превращению частных владений в вакуфные. Учитывая это обстоятельство, можно использовать имеющиеся сведения для характеристики роли вакфов²⁰.

¹⁸ Известен, в частности, вакф, созданный в годы правления Орхана (1326–1362) его старшим сыном Сулейман-пашой.

¹⁹ *Тверитинова А.С.* Некоторые замечания о значении вакуфного землевладения в истории Османской империи в связи с публикацией вакуфной грамоты Хани-хатун // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник 1970. М., 1974. С. 139.

²⁰ *Barkan Ö.L.* N 933–934/1527–1528 Mali Yılına Ait Bir Bütçe Örneği // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Sayı XV. 1–4. İstanbul, 1955. S. 253.

На первый взгляд приведенные в табл. 1 данные по Румелии противоречат высказанному ранее мнению об увеличении заинтересованности турецких правящих кругов в создании вакфов на балканской территории. Однако, во-первых, следует учитывать, что в использованном Барканом источнике не приведено данных о доходах с мульков и вакфов в европейских провинциях империи. Определяя их величину, турецкий ученый опирался на частичные сведения из других документов. Во-вторых, учреждая имареты во вновь завоеванных землях, османские султаны зачастую предоставляли мусульманскому духовенству и условные пожалования (тимары), доходы от которых учтены в другом разделе источника. Поэтому целесообразно дополнить приведенные сведения более полными по одному санджаку — Паша ливасы, в котором располагался сам румелийский бейлербей²¹. Доходы от вакуфного и мулькового имущества здесь составляли в указанный период 23,1% общей суммы поступлений. В санджаке имелось 25 имаретов, 471 большая и малая мечеть, 26 медресе, 43 караван-сарая²².

Таблица 1

Роль поступлений от вакуфной и частной собственности в общей сумме доходов, собранных в различных районах Османской империи в 20–30-х гг. XVI в.

Провинция	Общая сумма годового дохода, млн акче	Годовой доход от вакуфной и частной собственности, млн акче	Удельный вес поступлений от вакфов и мульков в общей сумме дохода, %
1. Анадолу	79,8	13,6	17,1
2. Караман	15,6	2,2	14,3
3. Зюлькадирийе	9,6	0,5	5,2
4. Рум	36,3	5,7	15,7
5. Диярбекир	24,3	1,3	5,5
Всего по Малой Азии	152,4	23,4	15,4

²¹ Санджак — основная единица административно-территориального деления Османской империи. Несколько санжаков составляли провинцию (эялет) во главе с бейлербеем.

²² *Barkan Ö.L.* Н 933–934/1527–1528 Mali Yılma Ait Bir Bütçe Örneği. // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Sayı XV. 1–4. İstanbul, 1955. S. 267–268.

Провинция	Общая сумма годового дохода, млн акче	Годовой доход от вакуфной и частной собственности, млн акче	Удельный вес поступлений от вакфов и мультков в общей сумме дохода, %
6. Румелия	198,2	10,9*	5,5*
7. Хале и Шам (Сирия)	52,2	7,3	14,0
8. Египет	135,9	18,9**	14,0**
ВСЕГО	537,9	60,5	12,0

* Неполные данные.

** Предположение О.А. Баркана.

Видимо, положение в Румелии было в какой-то степени схожим с ситуацией в Западной Анатолии (эялет Анадолу). Напомним, что основная часть этой провинции оказалась под контролем туркменских беев-гази лишь в XIII в. Здесь в первой половине XVI в. насчитывалось 45 имаретов, 342 мечети, 1055 месджидов, 110 медресе и 154 школы, 626 дервишских обителей, 2 лечебницы, 75 больших ханов и караван-сараев²³. С религиозными заведениями в провинции Анадолу была связана деятельность более 7 тыс. духовных лиц²⁴. Для сравнения можно привести соответствующие данные по эялетам Рум и Караман, располагавшимся на территории Центральной и отчасти Восточной Анатолии, т. е. тех районов, где процесс тюркской колонизации начался с XI в. В рассматриваемый период здесь существовало 13 имаретов, 705 больших и малых мечетей, 80 медресе, 447 дервишских монастырей и обителей, 31 странноприимный дом, 31 караван-сарай²⁵. Следует также помнить, что значительная часть вакфов и мультков в центральных и восточных районах Малой Азии, в Сирии и Египте существовала с доосманских времен. С учетом сделанных замечаний приведенные в таблице данные можно рассматривать как свидетельство значительной роли вакфов в жизни османского общества в начале XVI в. Приведенные данные касаются вакуфного имущества как в городах, так и в сельских районах, поэтому было бы целесообразным остановиться подробнее на городских вакфах. Среди

²³ *Barkan Ö.L. Osmanlı İmparatorluğu'nda İmaret Sitelerinin Kuruluş ve İşleyiş Tarzına Ait Araştırmalar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XXIII. Sayı 1–2 (1963). S. 242.*

²⁴ *Ibid. S. 242.*

²⁵ *Ibid. S. 243.*

них особое место — как по своей значимости, так и по размерам доходов — занимают имареты, созданные султанами²⁶ (табл. 2).

Таблица 2
Доходы крупнейших султанских имаретов,
созданных в XV в. — начале XVI в.²⁷

Название имарета	Общий годовой доход, тыс. акче	Доход с го- родского имущества, тыс. акче	Доход с деревень, тыс. акче
Баязида I (в Эдирне)	161,6	35,6	126,0
Мурада II (в Эргене)	106,3	24,2	82,1
Мурада II (в Эдирне)	385,0	47,2	337,8
Ая София (в Стамбуле)	789,8	789,8	–
Мехмеда Фатиха (в Стамбуле)	1500,6	255,2	1245,4
Баязида II (в Эдирне)	578,7	159,7	419,0
Тюрбе Эюба (в Стамбуле)	117,9	4,3	113,6
Мечеть Мурада II (в Стамбуле)	317,3	9,2	308,1
Дар-уль хадис Мурада II (в Эдирне)	187,8	114,5	73,3

Данные табл. 2 показывают тенденцию к значительному увеличению доходов имаретов. Она четко прослеживается и в более позднее время. Другой вывод, который можно сделать на основании приведенных данных, заключается в том, что все султанские имареты — за исключением Ая Софии — основную массу своих доходов получали от деревень, записанных за тем или иным вакфом. Подобная особенность хорошо согласуется с общей политикой османских властей, стремившихся поставить город в более привилегированное положение за счет усиления эксплуатации сельского населения. Запись деревень за городскими вакфами может создать иллюзию того, что учреждение имаретов способствовало расширению экономических связей между городом и его сельской округой. Однако не следует забывать, что в данном случае мы сталкива-

²⁶ Ibid. S. 253.

²⁷ Прерывистой линией отделены вакфы многоцелевого характера от вакфов, имевших более ограниченную направленность.

емся с фактом принудительного изъятия значительной части прибавочного продукта, созданного крестьянским трудом.

Наряду с султанскими имаретами существовали многочисленные вакфы различных османских сановников, иногда по размерам пожертвований ничем не уступавшие падишахским. Так, основанный при султане Баязиде II вакф везира Касым-паши в Эдирне имел доход в 1,3 млн акче, вакфы румелийского бейлербея Шехабеддин-паши (середина XV в.) в Эдирне и Пловдиве оценивались соответственно в 180 и 400 тыс. акче, великий везир зять султана Сулеймана Кануни (1521–1565) Рустам-паша учредил имарет в 1,2 млн акче. Другие же вакфы — и их было большинство — имели более скромные поступления, не более 100 тыс. акче²⁸. Но общие суммарные доходы вакфов являлись очень значительными. Так, вакфы Эдирне приносили к началу XVII в. не менее 7,5 млн акче годового дохода²⁹. Разумеется, в средних и малых городах само вакуфное имущество и доходы с него имели меньшие размеры³⁰. Тем не менее факт аккумуляирования вакуфными учреждениями крупных средств, преимущественно в виде наличных денег, не вызывает сомнения у историков.

Часть образовавшихся в вакфах денежных излишков расходовалась на городское строительство, причем не только на постройку мечетей и других культовых зданий, но и на сооружение многочисленных ремесленных лавок, торговых рядов (чарши), крытых рынков (бедестан), жилых помещений и складов, ханов и караван-сараев, а также на прокладку и ремонт системы водоснабжения и канализации, учреждение ряда объектов общественного характера — школ, бань, больниц, домов призрения, библиотек и т. п. Хотя непосредственной целью подобного строительства было умножение доходов вакфов, объективно оно в какой-то мере удовлетворяло социально-культурные потребности увеличивавшегося городского населения. Учитывая, что объем аналогичной деятельности самих государственных органов оставался относительно небольшим и был направлен либо на укрепление обороны города, либо на расширение религиозной пропаганды, следует признать несомненно положительную роль вакуфных учреждений в развитии османских городов.

Уже к началу XVI в. вакфы выступали как наиболее крупные собственники городского недвижимого имущества — земли, жилых зданий,

²⁸ Мутафчиева В. Аграрные отношения в Османската империя, XV–XVI в. София, 1962. С. 128–131.

²⁹ Там же. С. 131.

³⁰ См., напр., опись вакфов в Боснии за 1540 г. [*Behija Z. Popis vakufa u Bosne iz prve polovine XVI vijeka // Prilozi za orijentalnu filologiju. Sarajevo, 1974, t. 20–21*].

помещений, предназначенных для торгово-ремесленной деятельности. Ранее уже приводились данные о недвижимости, записанной в вакф Ая Софии. В табл. 3 собраны соответствующие сведения по другим султанским имаретам³¹.

Таблица 3
Состав городского недвижимого имущества,
принадлежащего крупнейшим султанским имаретам
(вторая половина XV в. — начало XVI в.)

Имарет	Сумма ежегодного дохода с городского имущества, тыс. акче	Города		
		Эдирне	Стамбул	Прочие города
Баязида I	35,6	ряды мясников и кожевников, 62 лавки, караван-сарай, баня, башхане, бозахане, пекарня		баня в Димотике
Мурада II в Эргене	24,2	13 лавок, баня, караван-сарай		47 лавок, бозахане, баня в Эргене
Мурада II в Эдирне	47,2	8 лавок, баня		15 лавок, баня в Серезе, баня в Янболу
Мехмеда II	255,2	12 бань, ряд земельных участков		
Баязида II	159,7	218 лавок, баня	3 бани	
Тюрбе Эюба	4,3		баня	башхане в Пловдиве
Мечеть Мурада II	9,2	3 лавки, баня		

³¹ Barkan Ö.L. Osmanlı İmparatorluğu'nda İmarat Sitelerinin Kuruluş ve İşleyiş Tarzına Ait Araştırmalar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XXIII. Sayı 1–2 (1963). S. 253–254.

Имарет	Сумма ежегодного дохода с городского имущества, тыс. акче	Города		
		Эдирне	Стамбул	Прочие города
Дар-уль хадис Мурада II	114,5	477 лавок, баня		

Анализ вакфов, созданных частными лицами, показывает аналогичную картину и в провинциальных городах. Так, основанный в 1505 г. вакф Яхьи-паши, помимо недвижимости в Стамбуле, располагал определенной собственностью в ряде балканских городов, в частности в Скопле 50 лавками, 7 жилыми домами и 14 постоялыми дворами, 4 мельницами, 2 складами и торговым ханом, в Софии — 40 лавками, бедестаном, 2 жилыми домами и 8 постоялыми дворами, 4 мельницами и караван-сараям, в Никополе — 127 лавками, 52 постоялыми дворами и жилым домом, складом и караван-сараям³².

В. Мутафчиева, сопоставив общий объем вакуфной городской собственности в санджаке Паша и число городов и городских поселков (касаба) в нем, высчитала, что в среднем на один такой населенный пункт в санджаке должно приходиться до 10 лавок, по нескольку крупных мастерских, 30 домов и иных хозяйственных построек, 3 бани, одному торговому хану и караван-сараям, принадлежащих вакфам³³. Вряд ли все эти объекты существовали с момента основания вакфов, вероятно, какая-то часть из них была создана вновь за счет доходов от завещанного имущества.

Анализ материалов о городских вакфах не столько помогает ответить на поставленный ранее вопрос об особенностях участия государства в городском строительстве, сколько ставит перед историками новые вопросы. Ясно одно, что, располагая достаточными возможностями для прямого воздействия на жизнь городов Анатолии и Румелии, Порта предпочитала действовать опосредованно через систему вакфов. Вероятно, ключ к пониманию отмеченной тенденции следует искать в той трактовке функций города, которая давалась османской правящей верхушкой.

³² Elezović G. Turski spomenici. Kjb I. Beograd, 1940. P. 420–526.

³³ Мутафчиева В. Аграрные отношения в Османската империя, XV–XVI в. София, 1962. С. 134.

Город воспринимался Портой не как социально-экономический организм, но как определенная политическая сила, как фактор, способствующий укреплению султанской власти, стабилизации внутреннего положения в стране, упрочению связей между центром и периферией. Учитывая ключевое положение городов в османской государственной структуре, правители империи стремились создать максимально благоприятные условия для их развития, заботились о поддержании стабильности и устойчивости жизни горожан. Поскольку внутренняя разобщенность городского общества могла негативно влиять на возможности города как политической силы, государство уделяло большое внимание распространению норм ислама, видя в мусульманской религии важный фактор духовного единения. С последним обстоятельством, видимо, связаны и усилия османских султанов по созданию и расширению системы имаретов.

Сведения, которыми располагают в настоящее время специалисты по истории балканских народов, позволяют довольно определенно говорить о том, что в течение первых 100–150 лет османского господства этот курс давал ожидаемые результаты. Во всяком случае, удельный вес мусульман во многих городах Румелии увеличился не только благодаря туркам-переселенцам из Анатолии, но и за счет обращения в ислам местного коренного населения, причем в ряде случаев отмечено складывание мусульманского большинства среди горожан при сохранении несомненного преобладания христиан в сельской округе³⁴.

Признание важной роли вакуфных учреждений в реализации политики османских султанов, направленной на развитие городов в империи, не может не привлечь внимания исследователей к другому аспекту изучаемого вопроса — к особенностям взаимоотношений государства и вакфа в городе. На первый взгляд здесь все ясно: вакуфные учреждения создаются по инициативе центральной власти и выступают в качестве своеобразных ее представителей. Однако представление о вакфах как эманации Порты в городах выглядит при дальнейшем рассмотрении упрощенным и не отражающим существа отношений. Дело в том, что в основе взаимодействия государства и имаретов лежал конфликт между государственной и вакуфной, а в более широком плане — между государственной и частной собственностью.

В традиционных обществах мусульманского Востока частная собственность выступала как ограниченная и незащищенная от произ-

---

³⁴ *Sokoloski M. Le developpement de quelques villes dans le sud des Balkans au XVe et XVIIe siecles // Balcanica. Vol. 1 (1970). P. 81–106.*

вола представителей центральной власти. Лишь доходы вакфов были освобождены от контроля государства, поскольку, согласно шариатской традиции, вакуфное имущество рассматривалось как собственность, принадлежащая Богу (Аллаху)³⁵. В этих условиях вполне естественным являлось стремление многих частных собственников к использованию института вакфа для получения определенных гарантий хозяйственной самостоятельности и инициативы, а также сохранения целостности накопленного состояния³⁶. Выражением такой тенденции, как считают специалисты по истории ислама, стало появление наряду с так называемыми «истинными» вакфами большого числа «неистинных» или «семейных» (вакф-и эвляд). В отличие от первых, созданных исключительно в религиозных или благотворительных целях, последние представляли собой имущество, завещанное в пользу своих потомков без права передачи его в чужие руки. Поскольку по поводу законности «вакф-и эвляд» существовали споры среди духовенства и власти часто не признавали их в качестве вакфов, наибольшее распространение в Османской империи получала разновидность «семейных» вакфов, называемая «тевлиет-и эвляд». Ее основной отличительной чертой было отчисление части дохода с завещанного имущества в пользу того или иного религиозного или благотворительного учреждения³⁷. К этому же типу относилось и большинство султанских имаретов.

Несомненно, что на практике «неистинные» вакфы выступали как своеобразная (скрытая) форма частной собственности. Близость между ними и мультками подчеркивается также и тем обстоятельством, что в вакф могло быть обращено лишь имущество, которое находилось в частной безусловной собственности. Правда, в период турецких завоеваний на Балканах османские правители выделяли в пользу религиозных и богоугодных заведений не только деревни из своего домена (султанского хасса), но и собственно государственные земли и постройки, а также назначали духовенству в качестве содержания тимары. Однако это была лишь временная мера, вызванная необходимостью скорей-

³⁵ *Köprülü F. Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihî Tekâmülü // Vakıflar Dergisi. Sayı II. Ankara, 1942. S. 1–35.*

³⁶ Бухарский вакф XIII в. (Факсимиле. Издание текста, перевод с арабского и персидского, введение и комментарий А.К. Арендса, А.Б. Халидова, О.Д. Чехович). М., 1979. С. 8–9.

³⁷ *Köprülü F. Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihî Tekâmülü // Vakıflar Dergisi. Sayı II. Ankara, 1942. S. 22–24.*

шего освоения захваченных территорий и обеспечения благоприятных условий для деятельности мусульманского духовного сословия. Во всяком случае, общность вакуфной и частной собственности была ясна даже османским чиновникам того времени, которые считали возможным суммарно учитывать доходы от вакфов и мульков.

По мере развития системы имаретов они стали принимать все более активное участие в экономической жизни города. Некоторые из них, располагая большим количеством сельскохозяйственной продукции, выступали в качестве ее поставщиков на внутренний и внешний рынки. Другие же, наоборот, являлись оптовыми покупателями различных видов продовольствия. Вакфам принадлежало немалое число крупных мастерских, где осуществлялась переработка сельскохозяйственных продуктов.

Особенно же была велика роль вакфов в ростовщичестве. Ссудные операции на средневековом Востоке приносили большие доходы, но являлись очень рискованным и опасным занятием. История знает множество случаев, когда правители той или иной азиатской страны, будучи не в силах справиться с растущими финансовыми затруднениями, прибегали к конфискации имущества и даже казням богатых кредиторов. В мусульманском же обществе ростовщическая деятельность частных лиц осуждалась по традиции, шедшей от Корана. Специфика статуса вакфа оберегала ростовщиков от произвола властей. Та же самая традиция, которая осуждала ссудные операции частных лиц, разрешала управителям вакуфного имущества (мютевелли) использовать наличные деньги для предоставления займов и кредитов под 10–15% годовых³⁸. В этих условиях многие владельцы крупных капиталов предпочитали обращать их в «семейные» вакфы, оговаривая при этом, что деньги должны использоваться именно для ростовщичества. Тенденция создания вакфов за счет наличных денег (вакф-и нукуд) четко обозначилась в XVI в., когда проблема законности подобных учреждений вызвала горячие споры среди мусульманского духовенства³⁹. В конечном итоге верх взял сторонник «вакф-и нукуд» румелийский казаскер⁴⁰ Мехмед Эбуссууд (1490–1574). Султан Сулейман Кануни сместил его против-

³⁸ *Köprülü F. Ribât // Vakıflar Dergisi. Sayı II. Ankara, 1942. S. 267–278.*

³⁹ *Mandaville J.E. Usurious Piety: The Cash Waqf Controversy in the Ottoman Empire // International Journal of Middle East Studies. Vol. 10 (1979). P. 289–308.*

⁴⁰ Казаскер (кадиаскер) — верховный судья, стоявший над кадиями в провинции. В XVI в. их было два — румелийский и анатолийский.

ника Коджа Чивизаде (1476–1547) с поста шейх-уль ислама⁴¹ и назначил Эбуссууда на его место⁴².

Югославский ученый А. Суческа, изучая протоколы кадийского суда в Сараеве за 1564–1566 гг., выявил 53 вакфа, выступавших в качестве заимодавцев. Общая сумма денег, выданных ими в качестве ссуд, составила 455,5 тыс. акче, ростовщический процент с них равнялся 50,8 тыс. акче⁴³. При этом, как отмечал исследователь, среди вакфов, упомянутых в протоколах, не фигурировали два крупнейших в городе вакуфных учреждения, которые расходовали в аналогичных целях значительно большие средства. Так, сараевский санджакбей Гази Хюсрев-бей, основывая в 1531–1534 гг. свой имарет, выделил особо 900 тыс. акче на кредитование и ссуды⁴⁴. Другой вакф, Муслихеддина Чекрекчи, имел такой же фонд в 34 тыс. акче⁴⁵. Таким образом, в середине XVI в. вакфы Сараева могли использовать в сфере ростовщического кредита не менее 1,4 млн акче, что позволяло рассчитывать на получение дохода примерно в 150–170 тыс. акче.

Именно ростовщические операции позволяют увидеть растущее расхождение интересов государства и вакфов. Предоставляя деньги займы, мютевелли следовали воле завещателей, которые требовали, как правило, чтобы ссуды выдавались лишь под солидное обеспечение, людям надежным и состоятельным. Наиболее четко и откровенно условия кредитования сформулированы в вакуфной грамоте (вакуф-наме) Гази Хюсрев-бея: «Чтобы [делать] это ради торговцев, ремесленников и земледельцев, которые известны как люди зажиточные и в добром состоянии, за которых могут поручиться, особенно же для тех, кто ис-

⁴¹ Шейх-уль ислам (главный муфтий) — высший авторитет среди османского духовенства, фактический глава этого сословия со второй половины XVI в.

⁴² Pixley M. The Development and Role of the Şeyhülislam in Early Ottoman History // Journal of the American Oriental Society. Vol. 96. Issue 1 (1976). P. 94.

⁴³ Sućeska A. Vakufski krediti u Sarajevu (u svijetlu sidžila sarajevskog kadije iz godina 1564–1566) // Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu, II/1954, Sarajevo 1954. P. 343–379. В списке вакфов Сараева 1540 г. фигурирует лишь 6 вакфов из указанных в кадийских протоколах, видимо, остальные 47 вакфов были созданы за 25 лет после составления описи.

⁴⁴ По данным Сучески, Хюсрев-бей оставил 1,2 млн акче на ростовщические операции, но в описи 1540 г. отмечено лишь 900 тыс. [Behija Z. Popis vakufa u Bosne iz prve polovine XVI vijeka // Prilozi za orijentalnu filologiju. Sarajevo, 1974. P. 130].

⁴⁵ Sućeska A. Vakufski krediti u Sarajevu (u svijetlu sidžila sarajevskog kadije iz godina 1564–1566) // Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu, II/1954, Sarajevo 1954. P. 354–355.

правен и знает чувство меры и известен среди людей своим хорошим поведением, а не лживостью и промедлением при отдаче долга. Чтобы не давать их [деньги] эмирам, вали, мюдеррисам, военным судьям, ни прочим воинам, ни владельцам тимаров, не надлежит [давать] людям, которые любят тратить или находиться в долгах, ни султанским рабам, ни тем, кто имеет намерение поживиться или обмануть, к какому бы сословию они ни принадлежали»⁴⁶.

Очерчивая круг людей, которые могут рассчитывать на получение ссуд и кредитов, основатель вакфа, как это видно из цитируемого отрывка, включил в него тех, кто прямо связан с экономической деятельностью в городе, но исключил практически всех представителей османской политической системы, поставив их в ряд с откровенными мошенниками, растратчиками и любителями легкой наживы. Подобное решение кажется парадоксальным: ведь сам Гази Хюсрев-бей был видным государственным чиновником. Однако в данном случае, при учреждении вакфа, он выступает перед нами в другом своем качестве — частного собственника, обладателя огромного состояния⁴⁷. Поэтому, заботясь о сохранении и приумножении завещанного потомкам богатства, он показывает свою заинтересованность в развитии хозяйственной жизни города. Несомненно, что политические соображения отступали на второй план перед социально-экономическими. Вряд ли можно сомневаться в том, что изменение ориентации в деятельности вакуфных учреждений оказало серьезное влияние и на отношения османских городов с центральной властью.

Подведем некоторые итоги. По сложившейся на мусульманском средневековом Востоке традиции османские султаны уделяли много внимания условиям жизни в городах. Учитывая их влиятельное положение в государственной системе, правители империи стремились создать максимально благоприятные условия для роста уже существо-

⁴⁶ *Sučeska A. Vakufski krediti u Sarajevu (u svijetlu sidžila sarajevskog kadije iz godina 1564–1566) // Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu, II/1954, Sarajevo 1954. P. 354–355.*

⁴⁷ Согласно описи 1540 г., вакф Хюсрев-бея имел ежегодный доход около 100 тыс. акче, из которых 90 тыс. давали ростовщические ссуды. Опираясь на тексты вакуфных грамот, Суческа утверждает, что санджакбей основал в Сараеве два вакфа: первый в 1531 г., когда он отказал в пользу построенной им мечети различное имущество, в том числе 12 млн акче наличными, и второй — в 1534 г., когда он завещал 1,2 млн акче деньгами на кредитные операции [*Sučeska A. Vakufski krediti u Sarajevu (u svijetlu sidžila sarajevskog kadije iz godina 1564–1566) // Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu, II/1954, Sarajevo 1954. P. 348.*]

вавших и возникновения новых городских поселений. Этот курс приобрел особое значение в XV–XVI вв., в период турецких завоеваний в Юго-Восточной и Центральной Европе, где города должны были стать центрами турецкой колонизации, распространения ислама и одновременно опорными пунктами для дальнейшей экспансии.

Важнейшим инструментом государственной политики, направленной на развитие городов, стали вакуфные учреждения. Их создание, по замыслам османских властей, должно было помочь решению сложных задач, стоящих перед Портой, — скорейшему освоению вновь захваченных территорий, созданию занятости и удовлетворению культурных и бытовых потребностей растущей массы горожан, преодолению внутренней разобщенности городского общества за счет духовного единения. Во имя достижения этих целей центральное правительство было готово пойти на значительные пожертвования в пользу вакфов, передав в их распоряжение различные доходы с крестьянского населения, сборы с городского имущества и таможенные пошлины.

Представляется, что в течение определенного времени (вероятно, до середины XVI в.) вакфы оправдывали ожидания государства. Они действительно способствовали росту городов, особенно заметному в XVI в., обеспечивали большой размах городского строительства, содействовали увеличению удельного веса мусульман среди городского населения. Однако по мере все более активного вовлечения вакуфных учреждений в хозяйственную жизнь, увеличения объема осуществляемых ими торгово-ростовщических операций их частнособственническая основа начинает проявляться все более явственно, толкая вакфы на освобождение из-под диктата государства. В то время как Порта в своей городской политике по-прежнему исходила из примата политических интересов, деятельность вакфов все больше определялась социально-экономической ситуацией. Можно предположить, что в этих условиях вакфы со временем перестанут быть эффективным орудием государственной политики в городах, а города — надежной основой султанской власти.

REFERENCES

1. *Abu-Lughod J.L.* Cairo: 1001 Years of the City Victorious. Princeton, 1971.
2. *Ayalon D.* The Muslim City and the Mamluk Aristocracy. Jerusalem, 1967.
3. *Barkan Ö.L.* H 933–934/1527–1528 Mali Yılına Ait Bir Bütçe Örneği // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XV. Sayı 1–4 (1955). S. 243–270.
4. *Barkan Ö.L.* Osmanlı İmparatorluğu'nda Bir İskân ve Kolonizasyon Metodu Olarak Vakıflar ve Temlikler I, İskân Devirlerinin Kolonizatör Türk Dervişleri ve Zaviyeler // Vakıflar Dergisi. Sayı II. Ankara, 1942. S. 279–386.
5. *Barkan Ö.L.* Osmanlı İmparatorluğu'nda İmaret Sitelerinin Kuruluş ve İşleyiş Tarzına Ait Araştırmalar // İstanbul Üniversitesi İktisat Fakültesi Mecmuası. Cilt XXIII. Sayı 1–2 (1963). S. 239–296.
6. *Barkan Ö.L.* Quelques observations sur l'organisation économique et sociale des villes ottomanes des XVI et XVII siècles // Recueils de la société Jean Bodin. Bruxelles, 1955.
7. *Barkan Ö.L.* XV. Asrın Sonunda Bazı Büyük Şehirlerde Eşya ve Yiyecek Fiyatlarının Tesbit ve Teftişi Hususlarını Tanzim Eden Kanunlar // Türk Tarih Vesikaları. Cilt 1. Sayı 5 (1942). S. 326–340.
8. *Barkan Ö.L., Ayverdi E.H.* İstanbul Vakıfları Tahrîr Defteri, 953 (1546) Târihli. İstanbul, 1970.
9. *Behija Z.* Popis vakufa u Bosne iz prve polovine XVI vijeka // Prilozi za orijentalnu filologiju. Sarajevo, 1974. T. 20–21.
10. *Beldiceanu N.* Recherche sur la ville ottomane au XV siècle, Etudes et actes. Paris, 1973.
11. Bukhara Waqf of the 13th century (Facsimile. Edition of the Text, Translation from Arabic and Persian, Introduction and Commentary by A.K. Arends, A.B. Khalidov, O.D. Chekhovich). [Bukharskiy vakf XIII v. (Faksimile. Izdaniye teksta, perevod s arabskogo i persidskogo, vvedeniye i kommentariy A.K. Arends, A.B. Khalidova, O.D. Chekhovich)]. Moscow, 1979.

12. *Elezović G.* Turski spomenici. Kjb I. Beograd, 1940.
13. *Güçer L.* XVI–XVII. asırlarda Osmanlı İmparatorluğunda hububat meselesi ve hububattan alınan vergiler. İstanbul, 1964.
14. *Hadžijabić M.* Neki tipovi povlaštenih gradova u turskom feudalizmu. Beograd, 1974.
15. *Hoffmann G.* Kommune oder Staatsbürokratie. Zur politischen Rolle der Bevölkerung syrischer Städte vom 10. Bis 12. Berlin, 1975.
16. *Inalcik H.* Impact of the Annales School on Ottoman Studies and New Findings [with Discussion] // Review (Fernand Braudel Center). Vol. 1. No. 3/4. The Impact of the «Annales» School on the Social Sciences (Winter-Spring, 1978). P. 69–99.
17. *Inalcik H.* The Policy of Mehmed II toward the Greek Population of Istanbul and the Byzantine Buildings of the City // *Dumbarton Oaks Papers* Vol. 23/24 (1969/1970). P. 229–249.
18. *Köprülü F.* Ribât // *Vakıflar Dergisi*. Sayı II. Ankara, 1942. S. 267–278.
19. *Köprülü F.* Vakıf Müessesesinin Hukukî Mahiyeti ve Tarihî Tekâmülü // *Vakıflar Dergisi*. Sayı II. Ankara, 1942. S. 1–35.
20. *Kreševljaković H.* Gradska privreda: esnafi u Bosni i Hercegovini (od 1463 do 1851) // *Godišnjak Istoriskog Društva Bosne i Hercegovine*. T. I (1949). P. 168–209.
21. *Mandaville J.E.* Usurious Piety: The Cash Waqf Controversy in the Ottoman Empire // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 10 (1979). P. 289–308.
22. *Mantran R.* Istanbul dans la seconde moitié du XVIIe siècle. Essai d'histoire institutionnelle, économique et sociale. Paris, 1962.
23. *Middle Eastern Cities: A Symposium on Ancient, Islamic, and Contemporary Middle Eastern Urbanism.* Edited by I.M. Lapidus. Berkeley – Los Angeles, 1969.
24. *Mutafchieva V.* Agrarian Relations in the Ottoman Empire, the 15th – 16th Centuries [Agrarnite otnoshenija v Osmanskata imperija, XV–XVI v.]. Sofia, 1962.
25. *Pixley M.* The Development and Role of the Şeyhülislam in Early Ottoman History // *Journal of the American Oriental Society*. Vol. 96. Issue 1 (1976). P. 89–96.
26. *Sokoloski M.* Le developpement de quelques villes dans le sud des Balkans au XVe et XVIIe siecles // *Balkanica*. Vol. 1 (1970). P. 81–106.
27. *Sučeska A.* Vakufski krediti u Sarajevu (u svijetlu sidžila sarajevskog kadije iz godina 1564–1566) // *Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu*, II/1954. Sarajevo 1954. P. 343–379.

28. The Islamic city: a colloquium [held at All Souls College, June 28 — July 2, 1965] published under the auspices of the Near Eastern History Group, Oxford, and the Near East Centre, University of Pennsylvania. Edited by A.H. Hourani and S.M. Stern. Oxford, 1970.
29. *Todorov N.* Balkan city of the 15th — 19th Centuries. Socio-economic and demographic development [Balkanskiy gorod XV–XIX vv. Sotsial’no-ekonomicheskoye i demograficheskoye razvitiye]. Moscow, 1976.
30. *Tveritinova A.S.* Some Remarks on the Significance of Waqf Landownership in the History of the Ottoman Empire in Connection with the Publication of the Waqf Charter Khani-Khatun [Nekotoryye zamechaniya o znachenii vakufnogo zemlevladieniya v istorii Osmanskoy imperii v svyazi s publikatsiyey vakufnoy gramoty Khani-khatun] // Written Monuments of the East. Historical and Philological Research. Yearbook 1970 [Pis’mennyye pamyatniki Vostoka. Istoriko-filologicheskiye issledovaniya. Yezhegodnik 1970]. Moscow, 1974. P. 134–149.
31. *Vesela-Prenosilova Z.* Quelques remarques sur l’évolution de l’organisation urbaine en Empire Ottoman // Archiv Orienteini. Vol. 42. No. 3 (1974). P. 200–224.

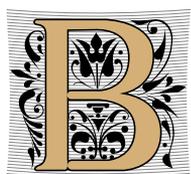

Ключевые слова:

Османская империя, Турция, вакфы, исламские институты, модернизация

Mikhail S. Meyer

THE ROLE OF WAQFS IN THE DEVELOPMENT OF THE OTTOMAN CITIES IN THE 15TH — 16TH CENTURIES

Based on the rich primary sources from the Anatolian and Balkan provinces the paper analyzes specific economic and social structures in the Ottoman cities, activities of waqf charitable and commercial institutions and the modes of interaction between state authorities and extensive network of waqfs. For a long time waqfs used to be the most important instrument of state policy aimed at the development of cities, to which the Ottoman sultans, like their predecessors – Arab, Seljuk and Mongol rulers of the Middle Eastern empires – paid a lot of attention. The Ottoman authorities considered the establishment of an extensive waqf network as an effective means of handling complex tasks – such as the rapid development of the newly conquered territories, the creation of working places, satisfaction of both cultural and daily needs of the growing mass of urban dwellers and alleviation of the internal fragmentation common to urban society by forming a spiritual unity. In pursuit of these objectives the Ottoman central authorities made significant donations in favour of waqfs, placing at their disposal the income from the peasant population, fees from city property and customs duties. Until the mid-16th century waqfs generally met the expectations of the Ottoman sultans. Waqfs contributed to the growth of cities, especially noticeable in the 16th century, provided a large scale of urban construction, and contributed to the growth of Muslims population in the Ottoman cities. However, with the growing involvement of waqf institutions in the economic life, the rising volume of trade and usury operations carried out by waqfs, the inherent private property basis of the waqf institution began to manifest itself more clearly, pushing waqfs to liberate themselves from the dictates of the Ottoman state. While the Ottoman sultans in their urban policy still proceeded from the primacy of political interests, the activities of waqfs became increasingly determined by the socio-economic conjuncture. Eventually waqfs ceased to be an effective tool of state policy in the cities, while the cities were no longer a reliable basis of the sultans' power.

Key words: the Ottoman Empire, Turkey, waqfs, Islamic institutions, modernization.

Mikhail S. Meyer – D.Sc. (History), Professor, President of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

 Мейер Михаил Серафимович (1936–2022)

доктор исторических наук, профессор, президент Института
стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова